

Выбор всей жизни

Автор:

Юрий Корчевский

Выбор всей жизни

Юрий Григорьевич Корчевский

Другая проза Корчевского

В сорок лет время подводить первые итоги. Николай считал, что в жизни ему повезло. Работу выбрал по призванию, состоялся как специалист, уже несколько лет как заведующий хирургическим отделением больницы. И дома все в порядке – любящая жена, сын-студент. Что еще надо человеку для счастья? Пропасть разверзлась в один момент... и жизнь надо начинать почти с нуля. Непросто найти силы выбраться из ямы, которую уготовила судьба. Но Николай настоящий мужчина, на которых страна держится, и он находит силы встать на ноги.

Юрий Корчевский – известный автор фантастических и исторических романов. Общее число его книг перевалило за сотню, а суммарный тираж превысил миллион. В этом романе писатель хотел показать повседневную жизнь обычного провинциального врача, но получилась увлекательная история с интригами и неожиданными поворотами сюжета.

Юрий Григорьевич Корчевский

Выбор всей жизни

© Корчевский Ю. Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

Глава 1

Неожиданное знакомство

– Всем спасибо, размываемся. – Николай Васильевич вышел из операционной, снял и кинул в бак перчатки и одноразовый халат. Вымыл руки – в резиновых перчатках они потели, надел обычный халат и шапочку. Операция прошла успешно, можно перевести дух и не спеша записать её ход в операционный журнал и историю болезни.

Но едва он успел зайти в свой кабинет, как зазвонил телефон:

– Коленька, ты не забыл – сегодня вечером Лёша приведёт гостью?

– Не забыл.

– А про торт и конфеты к чаю?

– Заеду и куплю.

– Ты что, не в духе?

– Нет, всё нормально. Просто я только что из операционной, устал.

– Тогда до вечера.

Жена отключилась. Николай подсадовал про себя: ведь и в самом деле забыл. Не напомнила бы Оксана – появился бы домой без конфет.

Он заполнил бумаги и передал их на сестринский пост. Вроде бы на сегодня всё, можно ехать домой.

Машина стояла на заднем дворе больницы, как и другие автомобили сотрудников.

Мягко заурчал мотор. Сначала в кулинарию за тортом – жена просила купить «Панчо», потом – за конфетами. Машин много, опять пробка. Но, слава богу – не Москва.

Николай нырнул в переулок, выбрался на параллельную улицу. Звали его друзья-сокурсники в Москву, да только, рассудив здраво, он отказался. Здесь он доктор известный: квартира, машина, положение. А в Москве всё придётся начинать с нуля. Только вот возраст уже не тот – всё-таки сорок четыре уже, не мальчик. В столицу же надо ехать молодым, когда есть азарт, когда нет груза ответственности за семью и полно самоуверенности, что вот ему повезёт – не как другим. Нет уж, дудки. Лучше быть первым парнем на деревне, чем последним в столице. Ездил он уже два года назад в столицу – всего-то шестьсот километров. С однокашниками повстречался, поговорили, вспомнили институтские годы. Только вот увиденным остался недоволен: ритм города другой, чужих лиц полно – из ближней заграницы. В торговых лавках – они, за рулём маршрутки – они, не говоря уж о дворниках. Нет уж, дома спокойнее: агрессии меньше, а морального комфорта больше.

Николай припарковался у дома и, захватив пакеты с продуктами, поднялся на свой четвёртый этаж. Лифт в доме был, но он привык ходить пешком – для здоровья полезней.

Оксана встретила его, как всегда, в прихожей, приняла пакеты.

– Ты бы полежал с четверть часа, а то выглядишь усталым.

– Не с танцулек пришёл, чай.

Однако, вымыв руки, он и в самом деле прилёг на диван, смежил веки. Сын сегодня девушку свою должен привести – вроде как смотрины. Жена с утра квартиру приводила в порядок – как будто комиссия приедет. Но у них и так в любой момент чисто, порядок. Потом собой занималась: парикмахерская, то-сё.

Сын незаметно вырос, сам в академию поступил, а вчера родителям объявил, что придёт с девушкой. Жена – сразу с расспросами. Только сын молчун, весь в папу.

Единственно, буркнул:

– Сами увидите.

М-да, уж если враг молчун – то это враг, а если друг – то друг.

К болтунам Николай относился с предубеждением. Вся активность болтунов уходила в слова, в сотрясение воздуха, а не в дела. Но уж если сын решил познакомить родителей с девушкой, то, надо полагать, отношения у них серьёзные. Хотя, на взгляд самого Николая Васильевича, о женитьбе сыну думать рано. Двадцать лет всего, только на третий курс перешёл. Ему бы академию сначала окончить, опыта и мудрости житейской набраться, поскольку умом природа Алексея не обидела. Факультет сын выбрал сложный, физико-математический, не новомодный юридический или экономический. Этим специалистов нынче полно, переизбыток, работу найти не могут. Зато родители отпрысков довольны – престижно. А в чём престиж? На рынке половина торговцев с дипломами.

Вспомнилось, как несколько дней назад был у Николая в гостях старый институтский приятель. Как водится, немного выпили, включили ноутбук – фото посмотреть. Пришло электронное письмо с вложением. Вдвоём они бились четверть часа, но вложение открыть не могли. Подошёл сын, ткнул пальцем два раза, и вложение открылось. Николай и приятель лишь переглянулись. Ругаем молодёжь, а она хваткая пошла. Её бы подправить немного, чтобы текучая энергия в нужное русло пошла.

В прихожей хлопнула дверь – сын пришёл.

Николай поднялся, огладил ладонями лицо, чтобы снять тень усталости, и услышал, что в прихожую вышла Оксана и что оттуда уже слышен разговор.

В комнату первой вошла жена, затем незнакомая девушка, потом – сын.

– Познакомься, папа, это Аксинья.

– Николай Васильевич, – кивнул хозяин. – Да вы проходите, садитесь.

Девушка была одета скромно – люди незнакомые, и она стеснялась. Осторожно присела на краешек дивана.

Николай сразу и с удовлетворением отметил, что косметикой девушка не пользуется. Кожа на её лице была нежной, чистой и светилась изнутри. А ведь любой врач скажет, что кожа – свидетельство работы внутренних органов. Чистая кожа – здоровый человек.

Красавицей девушку назвать было нельзя, но была она, несомненно, симпатичной, и у Николая Васильевича возникло ощущение, что лицо её ему кого-то напоминает. Было что-то неуловимо знакомое в чертах её лица, повороте головы – прямо «дежавю».

– А скажите, Аксинья, мы с вами раньше не встречались?

– Нет, исключено. Леша сказал, что вы хирург, а я к врачам не обращалась никогда.

Разговор взяла в свои руки Оксана, пытаясь понять, что собой представляет девушка. Оказалось – она училась с Алексеем в одной академии, где они и познакомились.

– А откуда вы родом? – спросила жена.

– Из Сухой Балки. Есть такая станица на востоке области.

Николай Васильевич слегка насторожился: какое-то знакомое название.

– А родители ваши кто? – не унималась Оксана.

– Мама на почте работает, а папы у меня нет. Вернее, он есть, но я его никогда не видела, а мама не говорит ничего.

– Мам, ну что ты допрос с пристрастием устроила? – не выдержал Алексей. – Давайте хотя бы чаю попьём.

Жена поднялась, прошла на кухню, зазвенела посудой.

– Маму как зовут? – спросил Николай Васильевич.

– Наталья.

И тут Николая Васильевича как обухом по голове ударило. Сухая Балка, Наталья – как же он мог забыть?!

Давно уже, дай бог памяти – лет двадцать тому назад, был он в этой Сухой Балке в командировке. Уже институт окончил, женат был. Тамшний хирург на повышение квалификации уехал, на три месяца, вот его и откомандировали.

– Обомнёшься, с сельской медициной поближе познакомишься, опыт бесценный приобретёшь, – напутствовал тогда его, ещё молодого врача, заведующий райздравотделом. – Станица отдалённая, там каждый врач за пятерых работает. Это в городе в восемь на службу пришёл, в два ушёл, и никто не спросит, сколько ты человек принял. А там – до упора, пока все не закончатся. Специалистов узких нет: ты и акушер-гинеколог, и терапевт, и педиатр – вот и вся больничка. Сам начинал в такой же. Ну, успехов.

Скучать Николаю и в самом деле не пришлось. Утром амбулаторный приём, потом – обход стационарных пациентов в участковой больнице. К счастью, тяжёлых больных не было. Аппендэктомии, грыжесечения, абсцессы – всё то, что можно было сделать в одиночку и без наркоза, под местным обезболиванием новокаином. Анестезиолога, как и аппаратуры, в больничке не было – по штату не положено. Да и были бы штаты – в сельскую глубинку молодых специалистов калачом не заманишь. Так ведь и калача тоже не было: зарплата мизерная, квартира – перспектива настолько отдалённая, что её и в бинокль не видно. А главное – в профессиональном плане расти невозможно. Для женщины главное в жизни – замужество, семья. А для мужчины – самореализация, своё дело в жизни. Выбрав профессию по душе, мужчина стремится достичь в ней высот. В сельской же больнице для хирурга – тупик. Как за серьёзные операции – за ту же язву желудка браться, если наркоз невозможен?

Молодые медсестрички в больнице сначала глазки строить начали, кокетничать. Однако, узрев обручальное кольцо на пальце, к молодому доктору остыли.

Кольцо Николай надевал только после работы, врачам оперирующих специальностей носить на службе кольца, перстни запрещено – как, впрочем, и оперировать, если на руках есть царапины или ссадины.

Жил он в небольшой комнатухе, снятой для него с помощью сельсовета в бревенчатом доме бабки Анны. И всё бы хорошо, да только к бабушке внучка приехала после техникума связи, Наталья. Глазки строила, юбочки короткие надевала, кокетничала напропалую. Понятное дело – молодая, внимания мужского хочется. А перед кем кокетничать, если молодых ребят в селе не осталось? Кто пограмотнее да сам учиться хотел, того родители в город отправили. В селе остались вечно полупьяные, девчонкам и посмотреть не на кого.

В общем – соблазнила Наталья Николая. Он стойко продержался месяц, но потом природа взяла своё. Да и как удержаться, когда улыбка белозубая, грудки без лифчика под тонким сарафаном подрагивают, аж соски выделяются... Согрешил Николай – первый и последний раз после женитьбы. Молодой, здоровый парень, оголодал без женской ласки. Это ведь только в таком возрасте головка попервое головы.

Через неделю после грехопадения командировка закончилась, и он уехал. А через месяц и вообще забыл о происшедшем. В городе сразу дела навалились, а потом и жена любимая обрадовала – задержка у неё. А когда ребёнок – Алёшка – родился, так и вовсе закрутился. На двух работах официально работал, да ещё дежурствами подрабатывал. Домой приходил помыться, поесть, да и то не каждый день.

Денег не хватало, приходилось пахать. Жена не работала, а ребёнку то кроватку, то коляску... Пелёнки, распашонки, ползунки – и так почти десять лет. Потом они в областной центр перебрались, через два года правдами-неправдами однокомнатную квартиру получили в хрущёвке, чему рады были несказанно. Но работать он меньше не стал – приватизация квартир пошла.

Накопили деньги, жильё расширить. Квартирку свою маломерную продали, добавили и въехали в трёхкомнатную – все ресурсы квартира забрала. А потом, как и у всех людей, – ремонт, новая обстановка... И всё требовало денег.

Да и не в девушке даже дело. Если сын всерьёз влюбился и хочет жениться, то это просто невозможно. По всему выходит – они брат и сестра, пусть и не родные по матери. В таких случаях очень часты генетические заболевания, и ребёночек может родиться дефектным.

Всё это пронеслось в голове Николая за секунды. Настроение ухудшилось сразу, хотя он пытался вида не подавать. А в душе – смятение, растерянность. Что делать? Поговорить с Алексеем, чтобы прекратил отношения с Аксиньей? Доводы серьёзными быть должны, иначе сын не послушается. Посоветоваться с женой? Это скандал! И с друзьями не поговоришь, стыдно вывалить перед ними грехи молодости, как грязное исподнее выворачивать.

– Коленька, ты что задумался? – заметила его изменившееся настроение жена.

– Так, о работе мысли.

– Выкинь из головы работу, давайте чай пить.

За тяжкими мыслями Николай даже не заметил, как жена собрала на стол.

Они выпили чаю с конфетами и тортом, поболтали немного об академии, о жизни, а потом сын со своей девушкой пошли к нему в комнату.

Оксана убирала со стола и мыла посуду. А на Николая вновь навалились тяжкие мысли. Что делать? Как выкрутиться из ситуации с наименьшими потерями? Уж он-то видел, какими влюблёнными глазами смотрел Лёшка на Аксинью. Имечко у неё прямо старинное, казачье – мода сейчас пошла на старину.

А может, зря он себя корит? В том, что девушка похожа на Наталью, сомнений нет. Только вот вопрос: его ли она дочь? Надо съездить в Сухую Балку, найти Наталью и поговорить с ней. Если дочь не его, все проблемы отпадут. И, решив так, он вдруг неожиданно для себя успокоился. Чего раньше времени себя изводить? Однако ночью он всё равно спал беспокойно, мучили кошмары.

На следующий день на работе он просмотрел рабочий календарь. Вроде бы пятница получалась свободной, день не операционный, совещаний и комиссий не предвидится. Пошёл к начмеду – так по старинке медики называли

заместителя главного врача по лечебной части – отпроситься на денёк.

– А зачем тебе?

– По личным делам, Петрович.

– Ну и ехал бы в субботу.

– Позарез нужно.

– Ладно, езжай, – вздохнул начмед.

Когда заведением на месте, все ЧП решаются быстро, поэтому отпустил его начмед неохотно. А Николай едва дождался пятницы и сразу рванул из города.

Ехал он быстро – снедало нетерпение. Вот и знакомый поворот с трассы на Сухую Балку. Как давно он здесь не был!

Вот и станица. Дорога всё такая же разбитая, дома всё те же. Ощущение, что ничего не изменилось, только деревья стали ещё выше.

Спросив у прохожего, где находится здание почты, он подъехал к нему. Постоял немного у машины – всё-таки волновался, потом слегка успокоился и зашёл внутрь.

В обшарпанном помещении, давно просившем ремонта, пахло сургучом. И ни одного посетителя, что Николая обрадовало; впрочем – сотрудников тоже не было видно.

Николай кашлянул, привлекая к себе внимание.

Из задней комнаты, в открытую дверь которой были видны стеллажи с посылками, вышла женщина в синем халате. Николай её сразу узнал. Постарела, морщинки вокруг глаз появились, а вот фигура осталась почти такой же, какой была в юности, не изменилась.

Наталья глянула мельком:

- Что вы...

И застыла:

- Ты??

Она узнала его сразу, хотя прошло уже столько лет.

- Я. Узнала?

- Как не узнать... Тебя каким ветром сюда занесло?

- К тебе специально приехал.

- Ну да, ты же теперь в городе живёшь. Слышала я.

- А ты на почте, как и прежде, - полуутвердительно сказал Николай.

- Видно, судьба такая, - эхом откликнулась она.

- Замуж вышла?

- Одна мыкаюсь. Подкатывались тут разные, да всё рвань одна.

- А я слышал - дочь у тебя.

- Не обманули люди, есть дочь.

Николай помялся. В лоб спросить про отца ребёнка? Решился всё-таки - за тем и приехал.

- А кто отец?

- С трёх раз догадаешься? Ты и есть!

У Николая рухнули последние надежды, как холодной водой из ушата окатили.

- А что же не сообщила? Фамилию знаешь, где живу и работаю – тоже.

- Что бы изменилось? Ты ведь женат был. Или алименты платил бы?

- Ну, всё-таки мой ребёнок, – получилось не очень внятно: губы не слушались, Николай волновался. Потом собрался, взял себя в руки.

- А почему не предохранялась, аборт не сделала, в конце концов?

- Дурочкой была, не понимала, чем такие игры закончиться могут. А когда тошнить начало, аборт делать было уже поздно. Да ты зачем приехал-то?

- О дочери узнал, видел её. Только ей не сказал ничего. Она не знает, что я в Сухую Балку поехал.

- Вот пусть и не узнает. Одна я её вырастила, моя она.

В помещение почты зашла бабулька и долго выбирала конверты и открытки. Николай отошёл в сторону. Но, дотошно рассмотрев каждую открытку, бабулька ушла, так ничего и не купив.

- На тебя дочь похожа, как ты в молодости.

- Я и сейчас ещё ничего, мужики заглядываются – только всё не те. Так ты зачем приехал? Только за дочь узнать?

- Разве это мелочь? Но тут и другая проблема.

- Ой, мне только твоих проблем не хватает! От своих голова пухнет...

- Да нет, эта проблема нас обоих коснуться может. Сын у меня есть, Лёша. Так вот, встречается он с Аксиньей – и вроде как серьёзно. На днях приводил её

знакомиться.

У Натальи глаза стали с пятирублёвую монету.

- Ой, да как же это?

- А вот так! Представляешь, они брат и сестра. Да, по матери они неродные, но отец у них один - я!

- Ничего себе поворот! Как в индийском кино! Я думала, так в жизни не бывает.

- Я сам так думал. Что делать-то теперь?

- Да, говорила мне Аксинья, что встречается в городе с каким-то мальчиком, что нравится он ей. Но я и подумать не могла, что это твой сын.

- Надо как-то тебе поговорить с ней, убедить перестать встречаться с Алексеем.

- И что я ей скажу? Что она и твой сын - родственники?

- М-да...

Николай задумался. В воздухе повисла неловкая тишина. Оба мучительно пытались найти хоть какой-то выход.

- А может, дочь не моя? - решил Николай.

- Ты что думаешь - что я шлюха? Да как ты подумать мог? Дура была, в тебя втрескалась. - Наталья всплакнула.

- Прости, не хотел я тебя обидеть. Но выяснить до конца надо.

- Выяснил? А теперь катись отсюда!

- Да пойми же ты - не обо мне речь! О моём сыне, о дочери твоей - то есть о нашей!

– Ага, о дочери вспомнил! А раньше-то что?

– Я о твоей беременности не знал. И если бы сын Аксинью к нам не привёл, не узнал бы никогда.

– Вот все вы, мужики, такие. Нашкодил – и в кусты.

– Шкодил не я один – оба. Но вот теперь-то что делать? Если будем выяснять отношения, скандалить, ситуацию это не исправит.

– Попробую я с Аксиньей поговорить. Но о сыне твоём говорить ничего не буду. Скажу, что сначала учёбу закончить надо, а потом о замужестве думать. Но не знаю. Она у меня девочка самостоятельная и если уж решила чего – не отговоришь. Ладно, ты-то как?

– Семья, сын, работаю.

– Жена-то хорошая попалась? – с какой-то ревностью в голосе спросила Наталья.

– Доволен. Давай-ка телефонами обменяемся, – Николай протянул Наталье свою визитку. Та повертела в руке, прочла:

– О, уже заведующий отделением!

– Пора! Сорок четыре года уже, не мальчик.

Николай записал номер мобильного телефона Натальи и линейный – почтового отделения. Теперь придётся держать связь. От города до Сухой Балки немногим больше двухсот километров, каждый день не наездишься.

Попрощался Николай сухо, по-деловому. Вроде Наталья мать его дочери, а чувств нет никаких. Впрочем, и не было никогда. Физическое влечение – да, это было! Но не любовь. Однако за сиюминутные слабости платить надо. И ладно бы – собой, а то ведь на детях может аукнуться.

Назад он ехал уже спокойно. А чего гнать? Что хотел, то выяснил.

Но, уже отмахав половину пути, он вдруг вспомнил, что не отдал Наталье деньги, предназначавшиеся дочери. Не зажил ли, не пожалел – на самом деле забыл. Вот балбес! Видел ведь, что Акси́нья одета скромно, что тяжело матери тянуть девчонку на более чем скромную зарплату, помочь хотел. Ладно, что-то можно придумать: или Акси́нье отдать, или, что ещё лучше, – самой Наталье по почте переслать, не в пустыне живём.

Вернувшись в город, он успел ещё в отделение своё заскочить, переговорить с ординатором и бегло просмотреть истории болезней пациентов, или, как говорили в старину доктора, – «скорбные листы». Поймал себя на мысли, что всё делал на автомате, как-то отстранённо. Из головы не шли Наталья, Акси́нья, сын. Вот ведь узелок завязался! И не гордиев, не разрубишь. Детей в этой ситуации жалко. Они-то ни в чём не виноваты, а если любят друг друга – вообще беда.

Дома, за столом, молчал. Жена, обратив внимание, спросила:

– Ты что какой-то не такой сегодня? Молчишь, невесел. Неприятности?

– Неурядицы. Полагаю – справлюсь.

Жена хлопотала на кухне, а Николай исподволь её рассматривал, сравнивая с Натальей. Оксана ухоженна, следит за собой: причёска, маникюр, макияж, костюм домашний не из дешёвых. И фигура после родов не расплылась, двигается легко.

Николай прошёл в гостиную, сел на диван и задумался. Если жена узнает, будет скандал вселенских масштабов. Скандал-то можно пережить, грех его давний. Но вот как с детьми ситуацию разрешить? Одна надежда на Наталью. Должна же дочка мать послушать?

За неделю извёлся весь. С сыном пытался поговорить наедине, мол – рано тебе о женитьбе думать, учёбу закончить надо, на ноги встать.

– Пап, ну что ты заладил? Мне Акси́нья нравится – даже очень. Мы просто родственные души.

Николай Васильевич при этих словах даже вздрогнул. Родственные – это слишком точно!

– Но я пока жениться не хочу. Сам понимаю, шаг серьёзный. Вот учёбу закончу, работать пойду... Ты же сам учил меня – мужчина должен содержать семью. А сидеть на твоей шее я не собираюсь.

Сын понял Николая неправильно, решил, что отец не желает содержать будущую семью сына. Да разве о том речь? Он был бы не против помощи – сейчас без этого молодой семье на ноги не встать, слишком дорого стоит жильё, мебель. А ещё слишком свежи в памяти его молодые годы, когда он пахал как проклятый. Такой судьбы сыну он не хотел. В принципе – сильных духом трудности закаляют, а слабых – ломают, естественный отбор. Но проблема не в этом, в другом – сын не хотел отступаться от Аксиньи. Или сказать ему прямо? Но для парня это будет настоящий шок.

В пятницу, уже закончив работу, он позвонил Наталье:

– Здравствуй, Наталья.

– Здравствуй, Николай.

– Узнала, стало быть. С дочерью говорила?

– Был разговор. Упёрлась она, говорит – люблю без памяти, не отступлюсь. Я уж к ней и так, и эдак. Толкует: «Подожду, пока учёбу закончу». Сын-то твой тоже академию намерен закончить сперва, а уж потом жениться – разговаривали они меж собой.

– М-да... Я тоже с Лёшей беседовал. И тоже талдычит: «Не тороплюсь, вот академию закончу...» Вот дела! Ты-то сама как?

– Дом, работа – ничего нового.

– Деньги я забыл тебе отдать, когда в Сухой Балке был. Давай почтовым переводом пошлю?

– Зачем? Я не просила!

– Наталья, ты гордыню смири. Тебе тяжело на мизерную зарплату девочку тянуть.

– Жили же до этого как-то, выкручивались.

– Вот именно – как-то. Знаешь, как девушки в вузах одеваются? А твоя одета скромно. Она не заморачивается по этому поводу, но я же чувствую. Платье ей купишь, сапожки.

– Откупиться решил? – Чувствовалось, что Наталья усмехнулась.

– Не тебе деньги – дочери. Она-то в чём виновата? Так я пошлю сегодня, сама на почте и получишь.

– Лишние деньги завелись?

– Лишних денег не бывает, все по?том заработаны. Я не олигарх. Но коли получилось так, девочку приодеть надо, чтобы не чувствовала она себя гадким утёнком на фоне других. Ты думаешь, если она молчит, ничего не говорит тебе – так всем довольна? Перевод получишь! До свиданья!

Николай Васильевич заехал на почту, заполнил бланк и отослал деньги. На пару хороших платьев и сапожки к зиме вполне хватит. Акси́нья девочка молодая, ей одеться модно хочется. Когда у женщины фигура хорошая и одета хорошо, она чувствует себя уверенно в любой ситуации.

Отослав деньги, Николай почувствовал некоторое облегчение – моральное удовлетворение даже.

Прошла неделя. На работе Николай Васильевич отвлекался от мыслей, но дома его терзали душевные муки. Угнетала ситуация, и вот ведь что плохо – посоветоваться ни с кем нельзя, а главное – с женой. Были у него двое друзей закадычных, ещё с института. Друзей ведь по молодости заводят, а чем старше становишься, тем труднее с человеком подружиться – слишком сложно притереться к человеку. Приятели были – всё больше деловые знакомые, а вот

друзей – двое. Но и им полностью не откроешься. Вроде делились радостями и бедами, а всё равно каждый до дна не открывался. Кому охота неприятные или постыдные детали личной жизни делать достоянием другого человека? Может, у женщин оно и не так. Они всплакнут, с подругами поделаются – на душе легче. Только подруги чаще советы дают никчёмные. А многие в душе ещё и радуются – не беде подруги, а тому, что не с ней самой такое приключилось.

После тяжких раздумий решился Николай Васильевич на некоторую авантюру. Не был бы врачом – не догадался бы, не стал бы затевать. А надумал он сделать генетический анализ сына и Аксиньи – тем более что приятелем его был заведующий этой самой генетической лабораторией. Анализы там делались по большей части в интересах беременных женщин – нет ли генетических сбоев у плода, да изредка – для установления отцовства, ежели папаша сомневался, что ребёнок его. Николай же хотел проверить, насколько могут совпасть или не совпасть гены у детей. Хотя отец и один – он сам, но матери всё-таки разные. Может, всё ещё не так страшно? Вот только как реально выполнить задуманное? Не подойдёшь ведь так просто к сыну: «Лёш, сдай анализ крови». Сразу вопросы возникнут – для чего, зачем. Ходить по врачам и сдавать анализы Лёша, как и все его сверстники, не любил. В его возрасте молодым людям кажется, что здоровье неиссякаемо и что болезни могут коснуться любого, но только не его. Потому они то истязают себя бодибилдингом, то делают дурацкий пирсинг или татуаж, впадая потом в панику, потому что вдруг выявляется гепатит.

Николай Васильевич, как профессионал своего дела, видел жизнь несколько однобоко, с медицинской стороны. Пожалуй, так парикмахер оценивает волосы случайной попутчицы в маршрутке или гаишник смотрит на проезжающий автомобиль. Хотим мы того или нет, а профессия, которой отдано два десятка лет, накладывает на человека свой отпечаток.

Уж кстати или нет, но Лёшка засопливел, затемпературил, загрипповал.

Николаю на работу позвонила Оксана:

– Коленька, Лёша заболел. Ты заскочи в аптеку, купи чего-нибудь от гриппа. Я дома всю аптечку перерыла, но ничего не нашла.

Отчего же не купить? Николай заехал, купил. Лёшка болел редко, но зато, если вдруг заболит, – всегда с высокой температурой и лежит неделю.

- Лёш, ты как?

- Болею.

Сын лежал потный, под глазами сразу обозначились круги. М-да, температура за 38, объяснимо.

- Ты где ухитрился так простыть?

Вопрос больше риторический. В академии масса народа. Кто-то из студентов на выходные ездил домой, «подцепил» грипп, привёз в город – и пошло-поехало. При высокой мобильности в этом ничего удивительного нет.

Николай объяснил сыну, как принимать лекарства.

- Выздоровливай, сынок. Может, хочешь чего-нибудь?

- Мама горячим молоком с мёдом напоила, ничего не хочу.

Молоко Лёшка не любил. Знать, Оксане стоило больших трудов уговорить сына.

Утром, ещё до работы, Николай взял у сына кровь из вены. Лёшка особо не сопротивлялся, хотя уколы просто ненавидел.

- Что, серьёзное что-нибудь? – округлила глаза Оксана, увидев шприц в руках у мужа.

- Нет, просто анализ.

Приехав на работу, Николай первым делом прошёл в генетическую лабораторию. Пётр, заведующий, уже был на месте. Он удивился, поскольку Николай спозаранку никогда к нему не заходил.

- Сделай одолжение, возьми на анализ, – Николай протянул ему шприц. – И ещё попозже – два.

- Ты всю родню решил обследовать? – улыбнулся Пётр. – Ладно, не волнуйся, всё сделаю в лучшем виде. Только сам знаешь, не скоро.

Вернувшись в отделение, Николай провёл ежедневную планёрку – выслушал дежурного врача, доклады ординаторов о назначенных на сегодня операциях. Всё как всегда. Сотрудники разошлись по рабочим местам: кто-то на обход, а кто-то – в операционную. Только Николай прошёл в процедурную.

- Леночка, возьми у меня кровь из вены, – попросил он дежурную медсестру.

- Неужели заболели, Николай Васильевич?

- Дурную кровь выпустить хочу.

- Скажете тоже!

Лена перешла к ним в отделение из реанимации, в вены попадала виртуозно – хоть в спавшиеся, хоть в тонюсенькие детские. И уже через пару минут Николай Васильевич шёл к генетической лаборатории, сжимая в руке пробирку с кровью.

- Держи второй анализ.

- Фу, я уж думал – ты за ответом.

- Только не перепутай.

- Типун тебе на язык, обижаешь!

Они перекинулись парой анекдотов.

Теперь Николаю нужно было набраться терпения, а главное – подгадать удобный случай, чтобы взять кровь у Аксины. Анализ одного человека в данном случае не даст ничего, только покажет генетическую аномалию, если она есть. А в его случае нужны анализы сына, Аксины и его – только тогда можно определить степень родства и возможные проблемы с вероятным потомством.

На работе каждый день подбрасывал сюрпризы. То пациента после наркоза едва отходили, то комиссия Роспотребнадзора – как называлась теперь бывшая санэпидемстанция – нагринула. А любая комиссия не награждать приходит, а найти недостатки, пусть даже и несущественные. Свою работу показать – бдим, дескать, государственное жалованье не зря получаем. На то и щука в море, чтобы караси не дремали. Только ведь известно давно – проверять всегда легче и проще, чем работать. Не зря ведь в разные контролирующие и бдящие органы столько желающих работать. И конкурсы в вузы госслужбы самые большие, хотя зарплаты у чиновников не самые завидные.

Через две недели, уже в конце рабочего дня, зазвонил телефон.

– Николай Васильевич, анализы готовы, забирай.

– Какие анализы?

– Ну ты даёшь! Сам принёс, а теперь спрашивает!

– Прости, Пётр, закрутился, забыл. Сейчас буду.

Пётр закрыл за Николаем дверь и достал коньяк.

– По полтиннику? Уже конец рабочего дня.

– Я за рулём, не буду.

– А я пешком, мне можно.

Пётр подвинул Николаю два листка, налил себе в рюмку «Старого Дербента», выпил, закусил шоколадной конфетой.

Николай уселся в кресло, изучал результаты. Да, он врач, но хирург, и ни черта в этих многочисленных циферках не понял – не его профиль.

– Пётр, ты объясни мне, дураку, чего тут.

– Ага, у нас работа головой, не то что вы, мясники – только руками и ножом, – пошутил Пётр. – Давай, – он положил перед собой анализы:

– В обоих представленных образцах крови генетических заболеваний, передающихся по наследству, не выявлено.

– Это радует. А ещё скажи – в какой степени родства они находятся? – Николай Васильевич и сам не понял, почему он задал этот вопрос. Выскочило как-то само собой, неожиданно.

– А ни в какой!

Николай ещё не понял до конца смысл ответа, но сразу уяснил – что-то не так. Уж он-то твёрдо знал, что родство самое ближайшее. Куда уж ближе – он, отец, и Лёшка, его сын. Вот и образцы промаркированы – номер один и номер два.

– погоди, Пётр, так быть не может. Лаборантка ничего не перепутала?

– Я сам, лично, вот этими руками анализ делал. Исключено.

– То есть ты хочешь сказать, что представленная мною тебе кровь генетически разных людей?

– Ну наконец-то! Ох и тугодумы вы, хирурги!

– То есть ты хочешь сказать, что они не состоят в близком родстве? – не унимался Николай.

– И даже рядом не сидели! Абсолютно разные люди, даже не дальние родственники.

– Этого не может быть!

– Ты пришёл испортить мне пятничный вечер?

– Да нет! Прости, Пётр, как-то само собой вырвалось. Просто это образцы отца и сына.

– Ни хрена они не отец и не сын!

Пётр налил себе ещё рюмку, выпил.

– Плесни и мне!

Николай был оглушён. Как это – не родня? А кто же он тогда сыну?

Он выпил рюмку коньяку, но вкуса не почувствовал, хотя раньше эту марку любил.

– Спасибо, Пётр!

– Не за что! Глядишь – и ты мне аппендикс по блату вырежешь.

Мужчины пожали друг другу руки и разошлись.

У себя в кабинете Николай обессиленно рухнул в кресло. Он тупо смотрел на анализы, которые держал в руке. До него никак не могло прийти – Лёшка ему не сын!

Шок был силён, мозг отказывался воспринимать факт. Что произошло? Случайно подменили новорождённого в роддоме? Хотя такая вероятность и была невелика, совсем уж сбрасывать её со счетов было нельзя. Ребёнок не от него? Да как же это? Неужели Оксана была беременна от другого, когда выходила за него замуж? Нет, исключено. Лёшка родился не через девять месяцев после свадьбы, а через год.

Чем больше Николай размышлял над ситуацией, тем всё более нелепые фантазии лезли в голову. Но, как врач, он уже понимал, что теперь надо брать кровь на анализ у жены Оксаны и у Аксины – слишком запутанным получился образовавшийся узел, слишком много возникало вопросов. Разумом, холодным расчётом он понимал необходимость поставить все точки над *i*, а подсознание противилось. Ведь могли открыться столь неприглядные стороны, которые

разрушили бы счастливую жизнь, семью.

На работе Николай был человеком жёстким – хирургия не для слюнтяев. Это не психологом быть, хотя и такая специальность нужна. Однако конфликтов он не любил, старался их избегать, а дома и вовсе верховодила жена. Ему хватало руководства отделением, дома же душа требовала покоя и умиротворённости. И вот теперь налаженная жизнь под угрозой. Надо же – всё из-за этой девочки, Аксиньи. Да не просто девочки – дочери его, будь неладен тот день, когда он не сдержался, не устоял перед соблазном. И Аз воздам каждому по поступкам его... Вот и его время пришло. Ох, как тяжело!

Николай посидел ещё немного, собрался с силами и поехал домой.

Ужинали все вместе, втроем, что случалось нечасто. Николай всматривался в черты лица Лёшки, пытаясь найти сходство с собой, и не находил – сын больше походил на Оксану. А от него – ничего: ни цвета глаз, ни цвета волос, ни формы носа – ничего. Вот только мозги, похоже, его. Лёшка сообразителен, любознателен, умён, да и характером походил на него. Так ведь то может быть и не природное – воспитание и образование.

– Ты что такой задумчивый? И ешь плохо, – обратила на него внимание жена.

– Да так, устал за неделю.

– Вот и отдыхай.

Вполглаза Николай посмотрел телевизор. Ничего, что могло бы обратить на себя внимание, заставить задуматься. В новостях только одно: то чрезвычайные происшествия, то благие обещания власть имущих о непременном и скором росте благосостояния народа. Но всю жизнь, сколько он себя помнил, – одни посулы, обещания улучшений. Вот только он что-то на себе этих улучшений не чувствовал.

В постели к Николаю подвалилась, прильнула Оксана. В другой день он приласкал бы её, а потом подмял бы под себя. Но сейчас желания не было.

– В другой раз.

Он отвернулся, сделав вид, что засыпает, а у самого голова пухла от мыслей. Как-то незаметно Николай уснул – всё-таки сказалась усталость, накопленная за неделю.

Утром, как всегда в выходной день, они спали долго – до одиннадцати, зато Николай проснулся с решением. Не зря ведь есть поговорка, что утро вечера мудренее. Он даже повеселел как-то.

Пока жена готовила завтрак, он искоса поглядывал на неё. Неужели Оксана его обманывает? Тогда она актриса непревзойдённая. Ведь даже намёка на ложь, на неискренность их отношений он никогда не чувствовал.

После полудня засел за диссертацию, однако ничего умного в голову не шло. Главный врач давно его укорял:

– Николай Васильевич! Отделение на хорошем счету, показатели работы отличные, у вас категория... Пора и о диссертации подумывать!

– Руки не доходят, – оправдывался Николай, – да и зачем она мне?

– Как это зачем? А престиж?! И не только ваш личный, но и больницы. У нас третья часть заведующих отделениями уже остепенилась, вам же сам бог велел. Сложные случаи, статистики набрано выше крыши. Всё ваше, и, как говорится, вам и карты в руки. Да и зарплата выше будет. Я помогу.

– Чем?

– Знакомых в ВАК, оппонентов подберу, руководителя из академии. Вы только тему подработайте.

Так Николай начал понемногу собирать материал. Потом всерьёз увлёкся. Вчерне диссертация была уже готова, надо было только отредактировать, правки внести да печатать набело. А вот сегодня не шла работа, и всё тут!

Сидя за диссертацией, он размышлял, как бы изъять у жены биологический материал для анализа, и причём сделать это так, чтобы она ничего не заметила. Для генетической экспертизы годится всё – кровь, слюна, волосы, ногти. Для

молекулярно-генетической экспертизы берётся буккальный соскоб, проще говоря – мазок ватным тампоном с внутренней поверхности щеки. Но этот метод забора анализа Николай отмёл сразу. А вот волосы и ногти жены его интересовали. Если анализ покажет, что Оксана является матерью Лёшки, – это одно, а если экспертиза даст отрицательный результат, значит – произошла подмена младенцев в роддоме. Но это тоже катастрофа. Ведь Лёшку они двадцать лет воспитывали как сына, а он может оказаться чужим. В то же время его ребёнок может маять нужду в чужой семье. И дети взрослые уже, не перевоспитать. И чем больше вероятных вариантов, тем глобальнее проблемы.

Николай набрался терпения и решил отсекать, отсеивать один вопрос за другим. Уже ясно, что Лёшка не его сын, – но чей?

Услышав, что хлопнула дверь – жена ушла в магазин, – Николай кинулся в ванную и осмотрел расчёску жены. Ему удалось обнаружить несколько волосков, пригодных для анализа, поскольку волосы были потребны только с луковицами. Пинцетом он аккуратно уложил их в конверт.

Из домашнего бара выбрал пару бутылок дорогого элитного коньяка – подарок благодарных пациентов. Надо презентовать Пётру, а то неудобно как-то. Анализы дорогие, каждое исследование около десяти тысяч стоит, а он уже два за «спасибо» сделал, и ещё два предстоят.

В понедельник Николай буквально летел на работу.

Планёрка затянулась: за выходные поступило несколько пациентов по «Скорой помощи», и потому обсуждали план их обследования и лечения. Потом Николай отправился в генетическую лабораторию, к Пётру.

– Ты что, и в самом деле решил всю родню обследовать? – хохотнул Пётр.

Конверт с волосами он взял, а бутылки коньяка начал разглядывать.

– Змей-искуситель! Небось презенты пациентов?

– Угадал.

– Дорогой коньячок! Раньше мне пить такой не доводилось – не по моей зарплате. Ладно, сделаю в лучшем виде. Загляни дней через десять. А впрочем – я и сам позвоню.

День шёл за днём, и Николай стал приглядываться к жене. Пока она была в душе, он заглянул в её телефон, однако в списке имён ничего интересного не обнаружил: парикмахерская, массажистка, подруги – одни женские имена. Чувствовал он себя при этом довольно неприятно – как будто в замочную скважину подглядывал. Даже руки потом захотелось вымыть, упрекнул себя за то, что так низко пал.

А на следующий день он пересчитал все деньги в укромном месте – на мелкие расходы деньги лежали в тумбочке. В случае необходимости их брал Лёша, Оксана. Заначка для более серьёзных покупок была в серванте, а остальные накопления Николай Васильевич хранил в банке, на счёте – от банковских карточек его отговорил сын.

– Пап, при нынешнем оснащении хакеров украсть деньги могут с любой карточки – ты и знать не будешь. Не рискуй.

Сын в разных компьютерно-технических вопросах понимал больше его, и Николай Васильевич послушался.

Он постарался вспомнить, сколько же денег лежало в серванте, и не смог – давно их не пересчитывал. Но теперь записал сумму в записной книжке.

Всеми деньгами дома распоряжалась Оксана. Николай у неё денег не кланчил – ведь он их приносил. На бензин, на другие мелкие нужды деньги у него были. Теперь же он решил тайком контролировать расходы. Неприятно, конечно, но на данном этапе необходимо. Любое действие человека всегда сопровождается движением денег. Николай чувствовал, что начинает превращаться в параноика – с навязчивыми мыслями, со слезкой за супругой.

И вот подошёл день, когда позвонил Пётр.

– Николай Васильевич, готов анализ. Давайте ко мне часам к трём – устроит?

- Более чем.

В назначенный час Николай Васильевич подходил к дверям лаборатории. Волновался, как студент на экзамене. Тряслись руки, барабанило сердце, пересохло во рту.

- Садись, читай, - встретил его Пётр. - Я так понял - все три образца, которые ты мне приносил, как-то связаны между собой?

- Связаны, угадал.

- Значит, не ошибся. Я тут выборку сделал. Образец номер один и последний - родственники. То есть, популярно говоря, волосы женщины генетически совпадают с кровью первого мужчины. Не ошибусь, если скажу, что это мать и сын. Я прав?

- Как всегда, Пётр. Выпить есть?

- Так ты же за рулём. Я сам утром видел, как ты машину на стоянке парковал.

- Плевать, на такси поеду.

- «Наши люди в булушную на такси не ездят». - Пётр был оживлён. Он разлил принесённый ранее Николаем коньяк в стаканы - рюмки хранить в отделении было чревато. Не чокаясь, они выпили, закусили шоколадкой.

- Хороший коньяк, Николай, ценят тебя больные.

- Не без того, Пётр, учись. Спасибо. Я не слишком обнаглею, если ещё один анализ принесу, попозже?

- А коньяка хватит? - засмеялся Пётр. - Если хватит - неси.

Захватив бумажку с результатами, Николай пошёл к себе в отделение. Вот и сложился пазл. Сын не его - достоверность анализа стопроцентная. Родила его Оксана... - Николай тяжело плюхнулся в кресло в своём кабинете... - но не от него.

Николай был в полной растерянности. Конечно, если бы результат был отрицательным, ему не было бы лучше – даже затруднительней. Но теперь по крайней мере он знал, что его жена всю их совместную жизнь обманывала его. А ведь глазки чистые, любящие, и всегда «Коленька». Тьфу!

Николай вызвал такси, переоделся и спустился со своего седьмого этажа. С ним здоровались сотрудники больницы, он рассеянно отвечал.

Анализы разрушили его жизнь – теперь он знал это точно. После них семейная жизнь уже не будет прежней. Да и будет ли она семейной?

Глава 2

Частный сыщик

Все чувства и переживания Николай Васильевич пытался держать в себе – он мужчина. Но Оксана как-то интуитивно почувствовала состояние мужа.

– Коленька, на работе что-нибудь нехорошее стряслось?

– Нет, нормально всё.

– Какой-то ты в последнее время... – Оксана подбирала нужное слово... – угнетённый, что ли?

– Устал, – пожал плечами Николай.

– Надо летом на море съездить всем: отдохнуть, позагорать, фруктов поесть. У Лёшеньки тоже год напряжённый выдался.

– До лета ещё дожить надо, – буркнул Николай.

После недельных раздумий Николай решил позвонить частному сыщику – видел он такие объявления в газетах. Вроде – «Ищу пропавшую собаку», или «Ищу угнанный автомобиль». Позвонил, попросил о встрече. Договорившись, после работы приехал на встречу.

Небольшая комнатка, стол и два стула – обстановка более чем скромная. И сыщик сам – вылитый мент, только бывший, скорее всего – на пенсии. Они рано уходят, по выслуге лет. Лет в сорок – сорок пять, в самом расцвете мужских сил.

Жёсткое лицо, ёжик с проседью, голос прокуренный, хриплый.

– Присаживайтесь, слушаю вас.

Стыдновато было Николаю Васильевичу начинать, но тем не менее надо. Он вздохнул:

– Я бы хотел, чтобы вы последили за моей женой.

– Не совсем мой профиль. Я не «топтун» – бывший опер.

Николай растерялся. Он и так переступил через себя, придя в эту контору. И стыдно, и неудобно, а теперь вот ещё и оказывается – зря.

– Простите. – Он поднялся, собираясь уходить.

Сыщик взглянул снизу вверх на его расстроенное лицо:

– Что же вы уходите?

– Вы же сами сказали – не ваш профиль.

– Я хочу помочь. Может, и не сам – друзья в других службах есть.

– Я подозреваю жену в неверности, – с ходу бухнул Николай.

– Серьёзно. Есть основания?

- Есть, иначе бы не пришёл.
- Что вы хотите увидеть в результате? Фото, аудиозапись? Прослушку телефона?
- Всё! Мне надо твёрдо знать – да или нет?
- По закону прослушивать телефоны запрещено.
- А изменять разрешено?
- В Уголовном кодексе об этом ничего нет.
- Так вы мне отказываете?
- У вас есть при себе её фотография?
- Нет, я не знал, что она нужна.
- Привезите фото, желательно – лицо крупным планом. И ещё ваш адрес, номер стационарного телефона и мобильного – вашего, и вашей супруги.
- Мой-то зачем?
- Для связи. И аванс – пять тысяч. Сами понимаете: машина, бензин, аппаратура
- всё денег стоит.

Николай Васильевич отсчитал деньги, продиктовал адрес и телефоны.

- Надеюсь, всё будет конфиденциально?
- Само собой.
- До свиданья. Завтра я заеду, завезу фото.
- До свиданья.

Николай сел в машину. Его терзали сомнения – правильно ли он сделал, обратившись к сыщику? То, что сын не его, уже доказанный факт. Так стоило ли вмешиваться в семейные неурядицы чужого человека, ворошить грязное бельё? Нет, всё-таки он должен идти до конца. Пусть неприятно, постыдно – но надо выяснить. Когда-нибудь этот гнойник должен лопнуть, и лучше, если это произойдёт раньше. Хотя какое «раньше», если он двадцать лет в дураках ходил? Вот простофиля! Сейчас он чувствовал себя обманутым, ничтожным, оскорблённым в лучших чувствах – даже зло появилось в душе на супругу. И он хорош – верил ей безоглядно.

Дома Николай делал вид, что всё хорошо – даже, пересилив себя, улыбался. Когда супруга уселась смотреть бесконечные сериалы, перелистал фотоальбом и выбрал фото посвежее, где Оксана снята крупным планом анфас.

На следующий день после работы он отвёз фото сыщику.

– Хорошо, – сыщик повертел фото в руках. – Если будут какие-то новости по вашему делу, я вам позвоню.

– Уже и дело есть?

– Не цепляйтесь к словам, Николай Васильевич. Всего доброго.

И действительно, чего язвить? Сам же пришёл, помощи попросил.

Прошёл день, два, неделя. От сыщика не было никаких известий. Николай извёлся в ожидании. Известное дело, ждать и догонять хуже всего.

На восьмой день, когда он, закончив работу, уже переодевался, зазвонил мобильник. Номер был незнакомым.

– Да, слушаю.

– Николай Васильевич? – Николай сразу узнал голос сыщика.

– Есть новости?

- Ещё какие! Когда сможете приехать?

- Через четверть часа буду.

- Вот и ладненько.

Николай пересчитал наличность в бумажнике – должно хватить.

Домчался он быстро: час пик ещё не начался, и пробок не было.

- Здравствуйте, Пётр Иванович! – поздоровался он, входя в кабинет сыщика.

- Здравствуйте, садитесь. Есть новости, иначе не просил бы приехать.

Сыщик выдвинул ящик стола, извлёк оттуда небольшой плотный пакет и протянул Николаю:

- Ознакомьтесь.

Николай Васильевич взял пакет и высыпал на стол его содержимое. Это были фотоснимки – много. Он стал их перебирать. Снимали явно издалека, хорошей оптикой. Вот Оксана выходит из подъезда, вот садится в такси. На фото в левом углу дата и время – вчера, в девять двадцать две.

Вот жена входит в подъезд незнакомого дома. Следующий снимок – изображение как в тумане.

- Этот снимок делали через тюлевую занавеску, из подъезда дома напротив – на фотографии угадывались две фигуры.

- Кто тут изображён?

- Дальше смотрите.

Видимо, в темноте зажгли свет, поскольку снимок чёткий. Обнажённая жена, спина мужчины – лица его не видно.

А вот другой кадр: оба на кухне, что-то пьют из бокалов. И всё бы ничего – но оба голые. Хороши дела! Адюльтер!

Николаю стало нехорошо. Он почувствовал, как к лицу прилила кровь, ощутил духоту, ослабил узел галстука.

Сыщик заметил:

– Вам валерьянки накапать или коньяку?

– Коньяку.

Сыщик разлил по стаканам золотистую жидкость. Щедро плеснул, до половины.

Мужчины выпили.

– Это единственный эпизод? – охрипшим голосом спросил Николай.

– За неделю слезки – да.

Николай стал перебирать снимки.

Сыщик в основном фотографировал жену. Мужчина получался то со спины, то смазан. И только на одном из снимков он был виден крупно и чётко, анфас. «Какое-то лицо знакомое, где-то я его видел, – подумал Николай, – только вот вспомнить не могу».

– А... хм... мужчина... кто он?

– Не выяснял, но можно. У меня его машина зафиксирована, по номеру могу установить.

– Прямо сейчас?

– Попробую.

Сыщик стал названивать по телефону, видимо, знакомому из ГАИ.

- Привет! Да, это я. Ну как всегда. Да, да. Номерок один пробить надо. Диктую.

Сыщик назвал номер и модель машины.

- Перезвонишь? Хорошо, буду ждать, - сыщик отключился.

- Подождём немного. Телефон супруги тоже прослушивали. В принципе ничего серьёзного, женская болтовня - с подругами, с парикмахершей. Но вот этот разговор надо послушать, - сыщик включил диктофон.

- Да, Витюша, - Николай сразу узнал голос жены.

- Встретимся? - И этот мужской голос Николай когда-то слышал, впрочем, ручаться не может, телефон меняет тембр голоса.

- Я не против. Мой благоверный на работе. По-моему, он, кроме своего отделения, ничего больше не видит. Где и когда?

- Как всегда. Сама подъедешь на такси, у меня времени немного.

- Ну вот, действительно «как всегда», - по голосу чувствовалось, что Оксана обиделась.

- Ну котик, не дуйся. Я тебе подарок купил.

- Да? А какой?

- Увидишь. Всё, до вечера.

Щелчок, Оксана отключилась.

- А через полчаса она вышла из дома. Дальше вы уже видели.

Раздался звонок, сыщик поднёс телефон к уху:

– Да, записываю, – он записал на листке данные. – Спасибо. Конечно, я твой должник. А что, разве я про тебя забывал когда-нибудь? Замётано! Пока.

Сыщик протянул листок Николаю. Тот пробежал глазами каракули. Так вот откуда ему знакомо это лицо! Это же заведующий одного из отделов областного министерства здравоохранения! Видел он его на каком-то совещании – лощёный хлыщ в костюме «с иголки», типичный чиновник от медицины.

Николай собрал фото и сунул их в пакет.

– Я могу забрать?

– Конечно. Надеюсь, вы человек разумный?

– Простите, не понял. Знаете ли, не каждый день узнаёшь о супруге такое.

– Я в смысле – сможете держать себя в руках? А то ведь иногда разная реакция бывает, кто-то с ножом на супругу кидается.

– Ах, вы об этом! Нет, эксцессов не будет.

– Ну и слава богу! Не хватало только, чтобы моё имя в каких-нибудь протоколах фигурировало. Я понимаю ваше состояние, но бизнес есть бизнес. С вас ещё пять тысяч.

– Да, простите, как-то подрастерялся я, – Николай отдал деньги. – До свиданья, вы профессионал.

– Лучше прощайте. А уж если потребность во мне возникнет – так только собачку пропавшую отыскать.

Николай уже взялся за ручку двери, но обернулся:

– Похоже, я начинаю понимать собачников. Чем больше узнаёшь людей, тем больше нравятся собаки.

– И это пройдёт. Время лечит.

Николай кивнул и вышел. В присутствии сыщика он держал себя в руках, старался не выдать своих эмоций. А внутри всё кипело, бурлило, его переполняла злость. Вот тебе и любящая жена! «Коленька», «Коленька» – а сама... Змею на груди он пригрел. И, похоже, у них это уже давно.

Он подошёл к машине, отпер дверцу, уселся. Что-то беспокоило его, какая-то заноза. Он вытаскил фото, всмотрелся в лицо этого Витеньки – похож на него сын Лёшка? Вроде нет. Или он уже каждого подозревает?

Он сидел в машине и раздумывал. Что делать? Приехать домой и закатить скандал? Факты на руках – фото. Телефонный разговор он слышал – даже генетический анализ на руках. Убойные факты, но только не для женской логики. Или плюнуть, оставить всё как есть? Всё-таки сын, семья. Да полно, Коля! Сын не твой, жена давно изменяет. Какая же это семья? Да и сохранить всё в прежнем виде уже не получится. Семейная лодка наткнулась на мель. Блин, у него уже ветвистые рога о притолоку стучат, а он не слышит. Ох и дурак! А теперь как пелена с глаз спала.

Он стал припоминать поведение жены в разных ситуациях. Ведь были, были настораживающие моменты, а он, как слепой и глухой, – ничего не видел, ничего не слышал. Наверное, и его вина есть в том, что произошло. Нагрузить Оксану надо было. Сына – в детсад, её – на работу, некогда интрижками любовными заниматься было бы. Работа, дом, семья – времени на сон не хватало бы. От безделья всё!

Так он сидел с полчаса, не зная, что предпринять. Бить посуду и жену он не собирался – он ведь не варвар. Но какой-то выход искать надо. Тем более если закатить скандал, сын может услышать – не хватало только Лёшку в разборки втягивать.

Так ничего не решив, он поехал домой. Слишком серьёзные действия предстояло предпринять, чтобы вершить их необдуманно.

Неприятно заняло под ложечкой. Николай просто физически ощутил надвигающуюся беду, изменения в жизни. После визитов к сыщику жизнь разделилась на «до» и «после». Если раньше, даже после анализов, он ещё

питал какие-то надежды, то теперь всё рухнуло. И жена, и сын оказались чужими. Лёшку он растил с пелёнок, любил его, как отцы любят сыновей. Выходит, жизнь стороной прошла? Жил как все – семья, работа, квартира... Оказалось – видимость одна. Как будто актёр в театре на сцене роль играл. Только спектакль окончится, актёр сотрёт с лица грим, переоденется и будет жить своей, а не выдуманной жизнью. А он?

Потрясение было слишком велико, требовалось время, чтобы осознать до конца величину катастрофы.

Ужинать Николай не стал – аппетит пропал напрочь. Сославшись на головную боль, прошёл в спальню, разделся, лёг в постель. Оставить всё как есть невозможно. Если бы у жены была мимолётная интрижка на стороне, он мог бы понять и простить. Но родить от чужого мужчины, не мужа, – и скрывать?!

Николай вспомнил, как когда-то смотрел по телевизору передачу о львиной семье – прайде. Там лев, сойдясь с новой самкой, безжалостно убивает её детёнышей. Он тогда поразился, насколько жесток мир природы. А лев просто не хотел выращивать чужих львят. Теперь, после происшедшего, он начал льва понимать.

А ведь говорила мама ему, когда ещё жива была, – до свадьбы:

– Коля, не нравится мне твоя избранница. Вроде и мила, и ласкова, а вот не лежит у меня к ней сердце.

Николай тогда пробовал убедить маму, что она ошибается, что Оксана девушка хорошая. А мама каким-то седьмым чувством, материнской интуицией чувствовала червоточину в Оксане. На послушал он мать, а зря. Родители – единственные люди, которые бескорыстно хотят своему ребёнку добра. Другие же, давая советы, иногда подспудно хотят извлечь из этого выгоду. Теперь придётся расхлёбывать. Вернуть бы всё назад, отмотать бы, как на плёнке, на двадцать лет. Увы – невозможно. А ему уже сорок четыре, лучшие годы позади. Для мужчины сорок четыре – зрелость, пора назад оглянуться, какие-то итоги подбить – что успел сделать в жизни, чего достиг? Он же жил в призрачном мире, принимая его за свой. Горько осознавать, что двадцать лет прошли впустую.

Как ни странно, но Николай уснул. Думал, бессонница нападёт, мучиться будет, а отрубился быстро. Видимо, мозгу требовался отдых.

Утром он проснулся с готовым решением. Не зря ведь поговорка есть, что утро вечера мудренее. Надо в любом случае говорить с женой, конечно, не вовлекая сына в разборки. Вероятнее всего, выход при любом раскладе – развод. Квартиру он им оставит – не столько для Оксаны, сколько для сына. Парень ведь ни в чём не виноват. Помогать он ему будет – Лёшке ведь надо закончить учёбу. Сам же на первое время переедет на съёмную квартиру. А там, бог даст, со временем купит себе хотя бы однушку. Жизнь ещё не кончилась, он хороший хирург, заведующий отделением, и до пенсии ему ещё далеко. Хотя, надо признать, годы летели всё быстрее. Если в двадцать-тридцать лет от одного дня рождения до другого проходила целая вечность, то сейчас время как будто ускорило свой бег. Недавно было сорок – он до деталей помнит, как отмечал эту дату в кругу родных и друзей. И вот уже сорок четыре.

После завтрака Лёшка убежал, причёсывая на ходу непослушные вихры. «Наверное, к Аксинье», – подумал Николай.

Оксана мыла на кухне посуду. Вот он, удобный момент.

Николай достал из пиджака, висевшего в шкафу, пакет с фотографиями и результаты анализов генетической экспертизы. Постоял, раздумывая – не хотелось начинать тяжёлый разговор, после него жизнь резко изменится. Но и оставлять всё так, как сейчас, невозможно.

– Ты что, Коленька? – Жена вытерла полотенцем руки.

– Кое-что показать тебе хочу. Садись.

– О, фотки? Где фотографировался?

– Да это не мои. Ты главная героиня. Смотри!

– Как интересно! – Оксана уселась на табуретку, взяла в руки пакет, и фотографии высыпались на стол. Сверху оказалась та, где обнажённая Оксана целуется с любовником.

Ей хватило одного беглого взгляда. Лицо побледнело, в глазах метнулся страх.

- Что это, Коля? - спросила она шёпотом.

- Ты остальные посмотри. И везде ты во всей красе. Только вот почему-то рядом не я, кто-то другой.

Оксана перебрала фото.

- Как ты мог так низко пасть? - спросила она. - Ты следил за мной?

У Николая на секунду пропал дар речи. Это он так низко пал? Воистину, лучшая защита - это нападение. От возмущения он едва не задохнулся:

- Может, ты объяснишь мне? На фото день и час, они совсем свежие.

Оксана оправилась от первоначального шока, и лицо её приняло какое-то высокомерное выражение. Николай рассчитывал увидеть на её лице раскаяние, чувство вины. Ничего подобного! Выходит, он недостаточно знал жену.

- Зачем объяснять? Мы взрослые люди, и так всё понятно.

- Ну хорошо. Теперь посмотри результаты анализов, - Николай положил на стол бланки.

Оксана взяла один из них, прочитала, но явно не поняла.

- Это что?

- Генетическая экспертиза.

- Мне это ни о чём не говорит.

- Хорошо, я поясню. Это твой, мой и Лёшкин анализы. По ним выходит, что Лёшка не мой сын. Твой - да, но его отец - не я.

– И кто же?

– Тебе лучше знать. Может быть, как раз твой любовник. А ведь Лёшка родился через десять месяцев после свадьбы. То есть, говоря проще, ты даже тогда, в медовый месяц, была мне не верна.

– Всё врут твои анализы!

Лицо Оксаны пошло красными пятнами, она схватила бланки анализов и порвала их. Потом принялась рвать фото. Все обрывки, коих получилось довольно много, с ожесточением затолкала в мусорное ведро.

– Грязь какая!

– Верно, грязь. Я думал, у меня порядочная семья: верная жена, сын – продолжатель фамилии. Оказалось, что всё обман, миф, призрак. Ты думаешь, порвала фото и анализы – и всё? Из моей головы это не выкинешь. И я знаю тебе цену – ты просто дешёвая шлюха.

Неожиданно Оксана взвизгнула и вlepила Николаю пощёчину. Он сроду не получал оплеух. И от кого?

– Ты, жалкий лекарь! Ты что думаешь, всего в жизни достиг благодаря своей светлой голове и золотым рукам? Я продвигала тебя! Сначала устроила в областную больницу, потом – заведующим отделением... Да, у меня есть любовник! И только благодаря ему ты стал тем, кто ты есть! Узнал наконец правду?

Это был удар ниже пояса. Николай был в шоке. Для любого мужчины его призвание, его работа – главное в жизни. И вот теперь Оксана говорит ему эти жуткие слова... Выходит, что без неё он не стал бы заведующим? В принципе плевать на заведование – с ним больше геморроя. Из-за зарплаты согласился, когда предложили.

Каким-то потухшим голосом он спросил:

– Это тебя оправдывает? Я бы и сам пробился.

– К пенсии? А я сейчас жить хочу! Сейчас хочу иметь норковую шубу, красивые украшения... Думаешь, ты мне вот это кольцо подарил? – Оксана продемонстрировала ему кольцо на пальце левой руки. – Как бы не так!

Николай попытался вспомнить, когда он ей его дарил, и не смог.

– Когда заявление о разводе в ЗАГС понесём? – спросил он.

Вдруг от двери кухни раздался голос сына:

– Мама, всё, что сказал отец, – правда?

Голос этот поразил обоих, как гром среди ясного неба. Когда пришёл Лёшка, и почему они этого не слышали? Или так сильно были увлечены спором?

Николаю стало неудобно – ведь он же не хотел вмешивать сына. Он не переставал считать Лёшку своим сыном, хотя уже знал, что не биологический отец ему. Но ведь он воспитывал его двадцать лет – как можно отказаться в одночасье? И Лёшкиной вины во всём этом нет...

Оксана тоже молчала, не сумев подобрать нужных слов.

Лёшка выбежал, хлопнув входной дверью.

Николай, потрясённый происшедшим, слегка пришёл в себя и тяжело опустился на табуретку. Ну вот. Чего он не хотел, то и произошло. Как бы парень не наделал глупостей сдуру! Молодой, импульсивный, горячий. Но и узнать такую правду о матери, самом близком человеке на свете, непросто.

Оксана начала рыдать, заламывая руки, но её стенания и слёзы уже не трогали Николая – он перегорел внутри. Куда больше его занимал вопрос: где сейчас Лёшка, куда направился? Наверное, к друзьям, а скорее всего – к Аксиные.

Искать его сразу или дать парню время остыть? Как бы дров не наломал сгоряча. И номера телефона Аксины он не знает.

Николай набрал номер Лёшкиного мобильного телефона. Послышались длинные гудки, потом отбой. Сбросил, паршивец!

Николай прошёл в спальню и набрал телефон матери Аксины, Натальи.

– Здравствуй, Наталья, это Николай. Извини, что беспокою. Не дашь ли мне номер телефона Аксины?

– Здравствуй, Николай. Зачем тебе номер Аксины?

– Лёшка с нами слегка поскандалил, из дома убежал. Наверное, к ней.

– Ладно, записывай.

Николай записал номер.

– И адрес дай.

Наталья помедлила, но дала.

– Это съёмная квартира. Там ещё две девочки живут. Ты уж поаккуратнее.

– Да, спасибо.

Николай тут же набрал номер Аксины.

– Здравствуй, Аксиныя.

– Здравствуйте. Это кто?

Николай чуть было не ляпнул – «отец».

– Извини, не представился – это Лёшин отец. Он у тебя?

– Нет, мы не виделись сегодня. Что-то случилось?

– Нет, просто он мне нужен. Если не затруднит, позвони мне, как зайвится. Только так, чтобы он не слышал.

– Хорошо, Николай Васильевич. Он что-то натворил? – По голосу чувствовалось, что Акси́нья обеспокоена.

– Нет-нет, упаси бог.

Николай попрощался. Конечно, времени прошло мало, и Алексей просто не успел к ней добраться. А может, он у неё вовсе не появится, заляжет у друзей. У него и денег-то мало, только на карманные расходы.

Звонок от Акси́нии раздался через час, показавшийся Николаю вечностью.

– Николай Васильевич, Лёша пришёл. Не в себе и пьяный.

– Не выпускай его, я сейчас буду.

Господи, напиться-то он когда успел? Сроду за ним такого не наблюдалось.

Николай оделся, взял деньги, вышел из дома и сел в машину. Адрес Акси́нии у него есть, только где это? Вроде бы на окраине.

Он позвонил знакомому – тот был старожилом и знал город как свои пять пальцев.

– О, это у чёрта на куличках! Езжай в сторону аэропорта, за мостом повернёшь направо. Там спросишь.

– Приблизительно понял, спасибо.

Район на окраине промышленный, туда ходят трамваи.

Николай поехал. Поплутал немного, не без того, но улицу и дом нашёл. Старая хрущёвка родом из шестидесятых, давно не знавшая ремонта.

«М-да, далековато Акси́нья забралась. Наверное, дешевле здесь, небось мать каждый рубль считает».

Николай поднялся по обшарпанной лестнице. Вот и нужная дверь на четвёртом этаже. Через соседнюю слышна музыка – шансон, громкие пьяные крики. Ну и соседи! Наверное, спившиеся пролетарии.

Он позвонил.

Дверь открылась сразу, как будто Акси́нья стояла рядом.

– Заходите, – произнесла она шёпотом.

– Лёшка где?

– Идёмте.

Лёшка сидел на диване, опустив голову и обхватив её руками. И таким несчастным и беззащитным он показался Николаю, что сердце сдавило, как будто тисками.

Николай уселся рядом.

От сына пахло спиртным – раньше за Лёшкой такого не наблюдалось.

Он обнял сына, но тот сбросил его руку.

– Сын, поехали домой. Нехорошо: к своей девушке – и в таком состоянии.

– Не сын я тебе!

– Лёш, ну что ты несёшь?

– Я случайно слышал твой разговор с матерью.

– И что это меняет? Я тебя вырастил, воспитал. Неужели я был тебе плохим отцом? Ведь берут же люди чужих детей из детских домов – усыновляют, воспитывают.

– Они знают, что берут чужого.

Язык у Лёшки уже заплетался – в таком состоянии Николай сына ещё не видел.

– Лёш, поехали домой. Аксиные готовиться к занятиям надо, ты ей только мешать будешь.

– Я вам всем мешаю! – Лёшка неожиданно разрыдался. Спиртное ударило в голову, ослабило контроль. А впрочем – что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Ладно, пусть выговорится – его можно понять. Всю жизнь он считал Николая Васильевича отцом, а семью – крепким тылом, эдакой крепостью, островком спокойствия и уюта. И в один миг всё разрушилось. Тяжело осознать. И как дальше жить с этим?

Николай посмотрел на Аксиною. Лёшка не успел рассказать ей о семейной неурядице, да что там неурядице – беде. И теперь она кое-что поняла из Лёшкиного разговора. Глаза девушки были широко распахнуты, вид ошеломлённый, но держалась она хорошо. Было бы хуже, если бы она сейчас Алешку жалеть начала – обняла бы, по голове гладить начала. Лёшка мужчина, должен держать удар, жалость же мужчину унижает.

Николай внимательно оглядел дочь. Господи, как же быстро всё поменялось! Оказалось – Лёшка и не сын ему вовсе. А он, Николай, отец вот этой девушки. Вот её жалко. В нужде жила, отцовской ласки не знала. Никто её в зоопарк не водил, на плечи не сажал. И открыться нельзя, по крайней мере – пока. Для девочки удар, а Лёшка, ежели узнает, – так вообще трагедия. Цепь случайностей, мексиканский сериал. А ведь если бы не Лёшка, то Николай так бы и не узнал никогда, что у него взрослая дочь. Странная штука жизнь – его отцовская ласка досталась чужому ребёнку, а не родному.

Лёшка успокоился. Хоть и пьян был, а сообразил, что неуместно перед Аксиной растекаться лужей.

– Лёш, идём домой. – Николай взял сына под руку.

Лёшка не сопротивлялся. Парня пришлось поддерживать – его качало из стороны в сторону.

– Аксинья, спасибо, что позвонила. Куда бы он такой пошёл?

– Да ничего, я понимаю. Вам помочь?

– Сам справлюсь.

На лестнице Лёшка едва не упал. Николай с облегчением посадил его в машину.

Как-то сразу навалилось всё: разговор с женой, Лёшкина выходка, предстоящий разговор. То, что они разведутся, Николай уже решил твёрдо. Имущество он делить не будет, всё оставит им. Хотя оба – формально чужие ему люди. Заберёт только личные вещи – одежду, книги да машину.

В своём доме он поднял Лёшку на лифте – парня совсем развезло. Слава богу, не попались соседи навстречу, иначе ненужных разговоров было бы много.

«Ой, а мы думали – семья такая приличная! А вчера Николай Васильевич сына домой привёл – ну чуть тёпленький, на ногах не держится. А вроде с виду – порядочный парень, в академии учится». Или типа того – кумушкам только повод дай. Хотя говорить будут, всё равно развод, как шило в мешке, не утаишь.

Николай открыл дверь ключом, и Лёшка буквально ввалился в коридор.

На шум выбежала Оксана. Увидев, в каком состоянии сын, всплеснула руками:

– Что с ним?

– С выпивкой не рассчитал.

– Лёша пьяный? – поразилась Оксана. Она сняла с сына туфли и повела в комнату. Николай сам разделся, разулся.

Спустя какое-то время Оксана вышла из Лёшкиной комнаты.

- Сделай что-нибудь, ему плохо.

- Отойдёт, время нужно. Вот завтра ему будет плохо, похмелье наступит.

- Ой, что творится! - всплеснула руками Оксана.

Николай хотел сказать, что всему причиной именно она, но сдержался. Нет смысла теперь выяснять отношения, которых уже нет.

Николай ушёл в свою комнату, посидел. Нелёгкая выдалась суббота, но сегодня что-то предпринимать уже поздно.

Он прошёл на кухню, выпил чаю, и то не потому, что хотелось есть, а по привычке. Спать улёгся рано и спал на широкой двуспальной супружеской кровати один - Оксана сидела с сыном.

Утром, после лёгкого завтрака, он поехал в центр - купил несколько газет, в которых можно было найти объявления о сдаче квартир внаём. Предложений было много, но ему хотелось снять квартиру недалеко от больницы и обязательно меблированную. Понятно, что жильё нужно на время, и не покупать же мебель? Он созвонился с хозяевами и половину дня ездил по адресам, смотрел квартиры.

Николаю удалось подыскать однокомнатную квартиру после недавнего ремонта. Мебель была старой, но ещё добротной, а главное - в квартале от больницы, и до работы можно было добраться неспешным шагом за четверть часа. Утренние пробки уже в печёнках сидели, дорога на работу растягивалась на час, а то и больше.

Вернувшись домой, он собрал в две большие спортивные сумки вещи. Собранное оценил скептически: «Немного я нажил за двадцать лет». Зашёл к Лёшке - тот сидел за столом, разложив учебники, и что-то писал.

- Поговорить хочу с тобой, сын. Ухожу я. Ты взрослый уже и сам понимаешь, что жить здесь я не могу. Снял квартиру. Деньгами тебе помогать буду. Вот, держи на первое время.

Николай положил на стол деньги.

– Хочу попросить тебя, сын. Веди себя достойно, не наделай глупостей, иначе я буду думать, что воспитал тебя плохо. А мне бы этого не хотелось. Видеться мы с тобой будем регулярно, и если потребуется моя помощь – помогу. Телефон ты знаешь. И девочку свою, Аксинью, не обижай, хорошая она.

Лёшка поднялся со стула – выглядел он потерянным. Обнял Николая Васильевича, прижался к нему, как в детстве. От нахлынувших чувств глаза у обоих увлажнились. Оба чувствовали, что в жизни настало время больших перемен. Не самых радостных, но такова жизнь. Рубикон перейдён, и возвращение назад уже невозможно.

Николай подхватил сумки. С женой, которая была на кухне, он прощаться не стал – зачем? Она и так нанесла ему удар в спину, разрушила семью. Каждый мужчина, если он настоящий мужик, всегда чувствует, есть ли за спиной крепкий тыл, надежда и опора, дом, где любят и ждут. Теперь у него такого дома нет.

Он выгрузил вещи на съёмной квартире, машину отогнал на стоянку у больницы. Охранник на въезде удивился:

– Николай Васильевич, вроде время неурочное. Или вызвали, случилось чего?

– Нет, пусть постоит.

Домой он прошёл пешком. Фактически придётся начинать жизнь сызнова.

По дороге зашёл в супермаркет, купил продуктов на ужин и завтрак – теперь о бытовых мелочах придётся заботиться самому.

Утром оказалось, что Николай забыл взять с собой бритву, благо время позволяло забежать в магазин. Он купил станок и помазок с кремом для бритья. Придя в отделение, заперся в своём кабинете и побрился – негоже начинать рабочий день с неопрятного вида. И ладно бы ещё, кабы он после ночного дежурства был.

День выдался сложный, загруженный, и Николай вспомнил, что собирался позвонить в ЗАГС, только к вечеру. Но, надеясь на удачу, нашёл в справочнике номер, набрал.

Ему ответили, объяснили порядок подачи документов на развод, и он тут же перезвонил Оксане:

- Ой, Коленька, я так рада, что ты позвонил, - тут же защебетала она, как будто бы ничего и не произошло.

- Я завтра подъеду к шестнадцати часам. Будь, пожалуйста, готова и не забудь взять паспорт. Всего хорошего, - и тут же отключился. Сразу набрал номер Лёшки:

- Здравствуй, сын. Как ты?

- Нормально, курсовую пишу.

- Здоров?

- А что со мной будет? Здоров. Ты как?

- На работе, день сложный. Новости есть?

- Нет.

Лёшка отвечал односложно, впрочем - как и всегда.

- Тогда удачи.

- И тебе.

Ну да, а папкой не назвал. Всё-таки пролёг между ними некоторый холодок. Развал семьи - не его вина, но переживает парень. Поддержать бы его как-то - а как? Не маленький, в кино не поведёшь и мороженым не угостишь, как в детстве.

После работы Николай зашёл в магазин и купил продуктов, а в соседнем магазине – утюг. Бытовая мелочь, но дома-то всё было. А сейчас за что ни возьмись – того нет, другого нет.

По небольшому телевизору, стоявшему на съёмной квартире, посмотрел новости. Дома он бы занял себя, штудирова научные медицинские журналы и вестники, но сейчас настроения нет и делать ничего не хочется.

Он походил по комнатухе и улёгся спать. Дома так рано он никогда не ложился.

Утром приготовил яичницу, кофе, позавтракал, побрился, глядь – а времени впритык.

На работу шёл быстрым шагом, но к утренней планёрке едва успел.

Сегодня был операционный день. Пока он расписал операционные бригады, посыпались звонки, впрочем – как всегда. То знакомые просили проконсультировать родных, то техотдел интересовался, почему не забирают из ремонта высокочастотный нож. Телефон как прорвало – так бывает почти каждое утро. И с консультациями не откажешь, неудобно. Иногда и болезнь пустяковая, рядовой хирург из поликлиники справится. Но – нет, пусть лучше заведующий посмотрит, знакомый ведь...

Потом позвали в операционную, потому как кровотечение долго остановить не могли. Так в заботах день и пролетел.

Николай едва успел переодеться и подъехать к бывшему дому. Отзвонился Оксане, подождал. Та нарядилась, как на торжество.

– Здравствуй, Коленька. Куда мы едем?

– Паспорт взяла?

– Фу, какой ты грубый! Хоть бы поздоровался сначала.

– Прости, завертелся. Добрый день, – Николай тронул машину.

Остановился у ЗАГСа.

- Приехали, нас ждут.

Лицо Оксаны сделалось злым:

- Ты хорошо подумал?

- Сын взрослый, алименты не нужны. Квартиру оставляю вам – делить нечего. Так что в суд идти не вижу смысла.

В ЗАГСе им задали несколько формальных вопросов, попытались дать время на раздумье, но Николай Васильевич настоял, чтобы развели сейчас.

- Решение окончательное, не передумаю, – твёрдо сказал он.

Сотрудница ЗАГСа пожала плечами и сделала запись об аннулировании брака.

Когда они спускались по ступеням, Оксана злобно прошипела:

- Ты ещё пожалеешь!

- Ты о чём? Я двадцать лет змею на груди грел. Хватит!

Оксана подняла руку, остановила такси. Ну и пусть катится! Двадцать лет она его обманывала – наконец-то прозрел. Но теперь он свободен. Лёшку жаль, а к бывшей жене он испытывал лишь некоторую брезгливость. Как она дальше будет жить, его не волновало. Пусть идёт работать, как другие, глядишь – дури поубавится. Или любовники кормить будут. Только он что-то сильно в этом сомневался.

А на душе всё равно кошки скребли. Двадцать лет прожить с человеком, доверять ему, как себе, и неожиданно разочароваться – это нелегко.

Николай решил занять себя делом. Он купил газет, рассчитывая найти подходящие объявления о сдаче жилья. Когда он ездил к Аксинье за Лёшкой, то

увидел, как далеко живёт она от вуза и как сложно ей добираться до учёбы каждое утро. А всё потому, что на окраине дешевле. Но она же дочь его... он многого ей недодал, пора исправлять ошибки.

Он нашёл несколько объявлений, созвонился и даже успел посмотреть пару квартир. Обе ему не понравились. Одна, хоть и в центре почти, была очень неухоженной: штукатурка местами облупилась, везде грязно. Хозяева же набрались наглости заломить изрядную цену.

Вторая же квартира была ненамного лучше. Вот так. Вроде и город большой, миллионник, а снять нормальную квартиру – проблема.

Удача подвернулась, откуда не ждал.

Вечером следующего дня, когда сотрудники уже расходились по домам и оставался только дежурный персонал, Николай стал снова просматривать газеты.

В это время, постучав, вошла одна из медсестёр. Она была в возрасте, проработала в отделении почти тридцать лет и слыла довольно опытным и ответственным специалистом.

– Николай Васильевич, за назначения наркотиков распишитесь. – Медсестра протянула ему бланки.

Николай подмахнул бумаги.

– Что это вы газеты читаете? – поинтересовалась она.

– Квартиру в центре снять хочу.

– Так у вас же есть?

– Не себе. Родственница дальняя в академии учится. А квартирует на окраине, у аэропорта. Утром добираться сложно.

- Не знаю, смогу ли я помочь. У меня комната пустует. Если не побрезгует ваша родственница с хозяйкой жить, милости прошу. Надеюсь, она не из этих вертихвосток?

- Она девушка скромная. А если будут претензии, вы мне скажете. Дом хороший, с удобствами?

- Конечно, ещё сталинской постройки. Сейчас таких уже не делают.

Они тут же договорились о цене. Степановна просила по-божески - хотя бы расходы на ЖКХ покрыть. Известно ведь, какая зарплата у медсестры.

- Адрес свой запишите и телефон.

Медсестра всё записала на листке.

- Можете хоть сегодня комнату посмотреть. И мне веселее будет - одной-то тоскливо по вечерам.

- У вас же вроде дочери есть.

- Обе замужем давно, уехали.

Николай тут же позвонил Аксинье:

- Здравствуй, Аксинья.

- Николай Васильевич? Здравствуйте. С Лёшей что-нибудь случилось?

- Нет-нет. Я недавно с ним говорил, всё в порядке.

- Фу, а то я испугалась.

- Вы где сейчас?

- На квартире. Ну, куда вы за Лёшей приезжали.

- Через полчаса будь готова, я заеду.

- Хорошо.

Аксинья не задавала лишних вопросов, и это понравилось Николаю.

Когда он подъехал, девушка уже ждала его у подъезда.

Николай махнул ей рукой.

Аксинья села в машину, осмотрелась.

- Это ваша машина?

- Моя.

- Шикарная! Я на такой никогда не ездила.

Николай тронул машину, поехали.

Аксинья всю дорогу молчала, и только когда подъехали к дому, спросила:

- Мы зачем сюда?

- Комнату вам присмотрел, моя сотрудница сдаёт. С хозяйкой жить будете?

- Ой, дорого здесь. Почти центр, - Аксинья вздохнула.

- Ну, с оплатой я решу, это мои проблемы.

- Нет, я так не хочу, - неожиданно упёрлась Аксинья.

- Вам же ездить в академию далеко, а тут почти рядом. И с Лёшей видется чаще будете - ему сейчас поддержка нужна.

- Это правда, что вы ушли из семьи? – неожиданно спросила Аксинья и густо покраснела. – Извините, я не должна была спрашивать, это личное.

- Правда. Ушёл. Но Лёше помогать буду. Как и тебе.

- Но ведь мы не женаты. Вдруг он другую найдёт, а меня разлюбит?

- Такую умницу и красавицу? Не может такого быть! Идём смотреть комнату, нас ждут.

Валентина Степановна уже пришла с работы, вскипятила чайник.

- Давайте чайку попьём, – радушно предложила она.

- Степановна, комнату покажите, Аксинья волнуется.

- Аксинья? – переспросила Степановна. – Имя-то какое красивое, старинное. Пойдёмте.

Комната и Аксинье, и Николаю понравилась. Чистая, уютная, окна во двор выходят, стало быть – тихо будет. Николай не постеснялся в ванную заглянуть, туалет посмотреть. Ему всё понравилось.

- Аксинья, что скажешь?

- Мечта!

- Валентина Степановна, мы согласны. Когда переезжать можно?

- Да хоть сейчас.

Николай посмотрел на Аксинью:

- Поздно уже, мне собраться надо.

- Хорошо, тогда завтра после работы я позвоню и заеду – вещи перевезём.

Они откланялись хозяйке, и Николай довёз Аксињу до дома. Неожиданно поразился: да как же она зимой по темноте сюда после занятий возвращается? Тут и ограбят – помощи не дождёшься. Тем более что девочка молодая, наглецов много. По темноте и мужику одному страшновато.

– Ну, как тебе комната?

– Просто слов нет. С девчонками только жалко расставаться.

– В академии встречаться будете.

– Ох и завидовать они мне будут, как скажу! Спасибо вам, Николай Васильевич.

– До свиданья.

Едва не вырвалось – «дочка». Она воспринимает его как отца Лёши, а его внимание к ней – тем обстоятельством, что сын его представил её как свою девушку, вероятную невесту.

На следующий день после работы, предварительно позвонив, Николай заехал за Аксињей. Всех вещей-то и было, что две небольшие сумки – но одна довольно увесистая.

– Ты что, кирпичи туда положила? – пошутил Николай.

– Книги.

«Стало быть, все её пожитки уместились в одной сумке, – про себя подумал Николай. – Более чем скромно». Он довёз её до дома, помог поднять вещи.

Валентина Степановна была дома – ей по графику выходить было в ночь.

– Ну, Аксињя, располагайся.

– Не волнуйтесь, Николай Васильевич, я ей сама помогу, если надо будет. И ключик от двери дам. Я-то по графику работаю – да вы знаете.

Николай взял её под руку, провёл на кухню, отсчитал деньги.

- Что-то много, - удивилась хозяйка.

- До конца года.

- Ну, вот и славно, - она даже посветлела лицом.

Николай был доволен - хоть одно доброе дело для дочери сделал.

Зато на работе неприятности посыпались одна за другой. То проверка Роспотребнадзора, то областного Минздрава. И что хуже всего и непонятней - только его отделения. Обычно проверяли все.

Когда очередная комиссия ушла, к нему зашёл начмед. Он уселся в кресло и положил на стол бумаги:

- Читай, акт комиссии.

Николай бегло прочитал текст.

Любая комиссия приезжает не награды вручать, а найти недостатки. Причём чем больше найдут, тем лучше сработала комиссия. А у того, кто работает, недостатки найдутся всегда.

В акте были указаны даже мелочи - начиная с отсутствующего гигиенического сертификата на простыни для пациентов и заканчивая небрежным ведением документации. Под это выражение можно было и краткость изложения подогнать, и неточности или сокращения. А сокращения во врачебной среде приняты всегда. Если короче писать на латыни, именно так и делали, поскольку писанина просто заедала. Но один врач-профессионал легко читал и понимал другого. А вот проверяющие или прокуратура - не всегда.

Николай отложил текст:

- Ознакомился.

– Что-то зачастили комиссии по твою душу, Николай Васильевич. У тебя никаких ЧП не было?

– Не было, иначе бы вы знали.

– Может, дорогу кому-нибудь перешёл?

– И этого не было.

– Тогда совсем непонятно. И главврач в недоумении. Пытался он у комиссии выяснить, так молчат. Наедине, правда, председатель комиссии пальцем вверх ткнул – оттуда, дескать, ветер дует.

Николай сразу всё понял: бывшая жена постаралась, любовнику пожаловалась. Поговорить бы с этим уродом по-мужски, да неохота руки пачкать.

– Ну ладно, трудись, Николай Васильевич! Показатели работы у тебя хорошие: хирургическая активность высокая, смертность низкая, жалоб нет. А то бы уже схарчили.

Не прощаясь, начмед ушёл.

Глава 3

Неприятности

Но оказалось, что это только цветочки, неприятности начались позже.

Через неделю заявила комиссия Роспотребнадзора, и в смывах с дверных ручек обнаружили кишечную палочку, хотя санитарки клялись, что обрабатывали ручки раствором хлорки. Потом пожаловали пожарники – и нашли огнетушители с просроченным сроком годности.

Николай уже не сомневался, что все эти проверяющие ходят не сами по себе – их адресуют в его отделение целенаправленно. Конечно, проверяющие заходили для вида и в другие отделения, но там нарушений не обнаружили.

Неприятный звонок прозвенел, когда одна из пациенток заявила, что кое-кто из хирургов вымогал у неё взятку.

Николай Васильевич прочитал заявление недовольной пациентки, тут же пригласил доктора и зачитал текст заявления.

– Было?

– Да вы что, Николай Васильевич? Какая взятка? Ни разговора, ни намёка не было. Тем более что и хирургического вмешательства не предвиделось, лечим консервативно.

– Внимательно просмотри историю болезни. Если взятку не вымогали, с поличным не поймали – стой на своём.

Однако погасить досадный инцидент не удалось. Подтвердить обвинение пациентки было нечем, но она пожаловалась главному врачу.

Когда его вызвали «на ковёр», Николай Васильевич предполагал, что разговор будет долгим и тяжёлым.

Но вышло иначе. Главный врач, Виктор Сергеевич, обычно приветливый, держался холодно и подчёркнуто официально.

– Садитесь, Николай Васильевич. Что-то много в последнее время у руководства Минздрава, да и не только у них, претензий к руководимому вами отделению. Значительно больше, чем к другим. Нехорошо, ослабили контроль за сотрудниками, не чувствуется вашей руководящей роли. Увлечлись операционной работой. А ведь заведующий отделением не столько практический врач, сколько организатор.

Николай Васильевич только слушал. Похоже, его мнение или оправдания в свою защиту никого не интересовали.

И, как итог длительного выступления главного врача, из уст того прозвучало:

– В общем, начальством принято решение отстранить вас от руководства отделением. Вот приказ. Ознакомьтесь и распишитесь.

Такого поворота событий Николай не ожидал. Порицания, выговоры – да, но не отстранения от должности.

Он прочитал приказ. Строки прыгали, суть приказа доходила не сразу, и ему приходилось перечитывать текст снова и снова. Его снимали с должности за многочисленные недостатки в работе и переводили рядовым хирургом.

Николай в душе вскипел. За что? За надуманные обвинения? Принять приказ и смириться? Ни за что! Тем не менее он начертал свою подпись и подвинул приказ Виктору Сергеевичу.

– Можно мне лист бумаги?

– Пожалуйста.

Главный врач перевёл дух. Видно, затея Минздрава с приказом ему и самому не нравилась – ведь он-то хорошо знал цену всем своим заведующим отделениями.

Николай написал заявление об увольнении по собственному желанию с завтрашнего дня и подал его главврачу. Тот прочитал, вскинул глаза на Николая и откинулся в кресле:

– Ну зачем же так остро реагировать? Николай Васильевич, в отделении же вы остаётесь, и от операционного стола вас никто не отстраняет. Пройдет время, глядишь – уляжется, вернетесь на свою должность.

– Вы полагаете, я за должность заведующего держусь? Невелик начальник! Обойдусь.

– Не надо кипятиться, Николай Васильевич, не надо вставать в позу! Это вы сгоряча. Завтра одумаетесь, жалеть будете. Возьмите заявление назад.

– Никогда. Решение окончательное. До свидания.

Под осуждающим взглядом главврача Николай вышел из кабинета. Несколько оглушённый внезапными событиями, он прошёл в свой кабинет и стал собирать личные вещи. За многие годы их в кабинете набралось довольно изрядно, два увесистых пакета.

Ну, вот и всё. Он обвёл взглядом ставший вдруг чужим кабинет. Горечь от происшедшего заслонила, отодвинула на второй план естественный в такой ситуации вопрос: а кто будет его преемником? Кому сдавать дела? А впрочем, с сего часа это забота уже не его, а руководства. Наверняка, когда готовили приказ о его отстранении, уже подыскали подходящую кандидатуру. Лишь бы не из «варягов», а из своих, чтобы не ломали налаженный порядок.

Он отдал ключ от кабинета старшей медсестре:

– Куда это вы собрались, Николай Васильевич? Да ещё с вещами?

– Ухожу, Нина Петровна. С завтрашнего дня я не заведующий, да и вообще в больнице не работаю.

Нина Петровна, с которой он плечо к плечу проработал десяток лет, всплеснула руками и охнула:

– Как же это так?

– Неудобен стал. До свидания.

Он спустился на лифте, подошёл к своей машине на стоянке и забросил пакеты в багажник. Придётся ещё завтра прийти – пробежаться с «бегунком» по разным службам, получить трудовую книжку и расчёт.

Машину забирать со стоянки он не стал – всё равно завтра приходиться.

Домой он не пошёл, а поплёлся. Голова была пустой, никаких мыслей и эмоций – слишком силен был психологический шок.

Николай прошёл уже большую часть пути, когда свернул в переулок. Там стояла небольшая старинная каменная церковь Святой Богородицы. Не сказать, что Николай был воцерковлённым человеком. Да, он был крещён, иногда бывал в церкви, но по праздникам – на Пасху и другие двенадцатые торжества. А теперь ноги сами принесли его сюда. Видно, Божий промысел.

Он вошёл, перекрестившись у входа, в намоленный веками храм, купил свечку и поставил её перед иконой Пантелеймона. Неумело помолился, постоял – куда теперь торопиться? А в храме на душе спокойнее, светлее, и вроде как очистился перед строгими ликами святых.

Сколько он так простоял, и сам не знает. Очнулся от того, что его тронула за рукав прихожанка:

– Простите, вам плохо?

– Нет, спасибо, ничего.

Придя домой, Николай уселся на диван. Семья разрушена, любимую работу он потерял. Скоро сорок пять, самое время подвести итоги. А что подводить, когда за спиной руины? Выходит, зря и жил. Суетился, о чём-то хлопотал – и всё прахом пошло.

По своей природе, как и большинство мужчин, Николай был за патриархат – не деспотичный, а мягкий. Мужик должен мамонта выследить, убить и притащить к пещере, а уж разделать его и приготовить – это дело женщины. Женщина – это в первую очередь быт, дом, крепость, крепкий тыл, куда ты возвращаешься и где можно снять доспехи, поставить в угол оружие и расслабиться. Вокруг свои – жена, ребёнок, можно отдохнуть, отмякнуть душой. Здесь мужик – как улитка без панциря, беззащитен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/korchevskiy_yuriy/vybor-vsey-zhizni

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)